III.

ЗАМѢЧАНІЯ ВО ВРЕМЯ ПУТЕШЕСТВІЯ ПО БЕРЕГАМЪ КАМЫ И ВЪ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Ежели путешественникъ, возвратясь изъ своего странствованія принимается за перо для того, чтобъ или ознакомить любителей наукъ съ собранными имъ свѣдѣніями, или по крайней мѣрѣ удовлетворить любопытству праздныхъ читателей, то прежде всего долженъ посовѣтоваться самъ съ собою, въ какомъ порядкѣ и видѣ надлежитъ представить ему описаніе своихъ приключеній. Занятый сею мыслію, которой часто предавался въ уединеніи, я рѣшился не наводить скуки моимъ читателямъ однимъ сухимъ указаніемъ дорогъ, или описаніемъ видѣн-

ныхъ мною городовъ и селеній, или разсказами о облагосклонномъ и суровомъ пріемѣ, сдѣланномъ мнѣ во время пути и проч., а тѣмъ менѣе теряться въ области Философскихъ умствованій или трогательныхъ повѣстей, испещряя ихъ блестящими цвѣтами Іорика—Стерна; но сколь возможно болѣе держаться Статистическихъ, Историческихъ и Философскихъ свѣдѣній, представленныхъ въ изящномъ цѣломъ, и тѣмъ оправдать древнюю золотую пословицу: miscuit utile dulci. Въ семъ намѣреніи рѣшился я сдѣлать описаніе поѣздки моей по берегамъ Камы и въ Оренбургской Губерніи, и ознакомить читателей съ собранными во время оной замѣчаніями и наблюденіями.

Но не приступая къ описанію путешествія, я почитаю нужнымъ изъяснить причину моего странствованія.

Президентъ Парижской Цельтической Академіи Графъ Гранпре прислалъ къ Г. Попечителю Казанскаго Университета рукописное сочиненіе о Цельтическихъ древностяхъ, найденныхъ во

Франціи и состоящихъ въ камняхъ и каменныхъ обломкахъ. Г. Попечитель препроводилъ сіе сочиненіе въ Университетъ при вопросѣ: не находится ли и въ Россіи подобныхъ древностей? Совѣтъ Университета потребовалъ отъ меня по сему случаю мнѣнія и я донесъ оному, что хотя опредѣлительно и не могу сказать, находятся ли въ Россіи Цельтическія древности такого рода, но по крайней мѣрѣ можно по повѣствованію нѣкоторыхъ ученыхъ путешественниковъ, бывшихъ въ южной Россіи и Сибири, заключать, что должны быть подобныя древности, кои при основательномъ осмотрѣ оныхъ, могли бы доставить многія любопытныя свѣдѣнія. Чтобы въ семъ увѣриться, Университетское начальство отправило меня для осмотра и изслѣдованія памятниковъ, находящихся по берегамъ Камы и въ Оренбургской Губерніи.

Такимъ образомъ 24 Апрѣля 1825 года, при довольно благопріятной погодѣ, я отправился въ дорогу и въ 8 часовъ вечера прибылъ къ берегамъ Меши. Здѣсь настигъ насъ сильный дождь,

сопровождаемый столь порывистымъ вѣтромъ, что мы едва могли переправишься чрезъ рѣку, хотя маловажную, но во время нашего путешествія отъ полноводія поднявшуюся до значительной высоты. Ночь была темная, а дорога чрезъ окружный Лашшевскій лѣсъ ужасная. Мы только шагомъ могли подвигаться впередъ, и я принужденъ былъ иногда посылать проводника, по грязи и лужамъ, для показанія намъ дороги. Не смотря на всѣ предосторожности, крѣпко окованная повозка моя много пострадала, и мы съ великимъ трудомъ, проѣхавъ 12 верстъ отъ Меши, прибыли наконецъ въ 2 часа утра въ Лашшевъ. Здѣсь принужденъ я былъ остаться цѣлый день, чтобъ поправить повозку и обождать, пока буря на Камѣ утихнетъ, а потомъ, переправясь чрезъ сію рѣку, волновавшуюся подобно морю, пуститься къ Мензелинску. Но Кама не переставала свирѣпствовать, и я долженъ былъ перемѣнить мое намѣреніе и отправиться по правому берегу сей рѣки къ г. Елабугѣ.

Около шести верстъ отъ Лашшева влѣво, встрѣчается довольно высокій курганъ или на-

сыпь къ сожалѣнію, я не имѣлъ возможности раскопать оный, такъ какъ и другіе, встрѣчавшіеся мнѣ на пути, и такимъ образомъ изъ нѣдръ земли пріобрѣсти что нибудь для наукъ и обогатить Университетъ сокровищами. Если со стороны правительства сіи курганы будутъ взрыты и найденныя вещи для точнѣйшаго изслѣдованія доставлены въ Казанскій Университетъ, то безъ сомнѣнія немаловажную можно получить пользу какъ чрезъ сравненіе оныхъ съ древностями Сѣвера, гдѣ какъ извѣстно, находятся также такъ называемыя могилы героевъ или Гигантовъ, такъ въ особенности чрезъ повѣрку тѣхъ предположеній, о которыхъ столь много говорятъ ученые. Въ продолженіи пути сего дорога пролегала чрезъ поля и лѣса до Рыбной слободы, въ 40 верстахъ отъ Лаишева. Выгодное положеніе сего мѣста на крутомъ берегу Камы, которая въ разливѣ терялась почти изъ виду, обезображивалось отвратительною наружностію строеній самаго селенія. При выѣздѣ изъ густаго лѣса и, такъ сказать, перенесясь на большую, хотя и воздѣланную, но повидимому

ненаселенную равнину, и притомъ нетерпѣливо желая находиться въ обществѣ людей и не видя ихъ, я противъ воли моей сказалъ самому себѣ: *Россія неизмѣрима*! Чувство сіе въ такой же почти силѣ пробудилось въ душѣ моей при взглядѣ на *море* Каму, около коей мелкіе ручьи играя, какъ около своей машери, извивались, какое нѣкогда ощущалъ я при видѣ Рейна, отца рѣкъ Германскихъ. Они то приближаясь къ ней, то удаляясь, вливались наконецъ въ ея цѣдра и тѣмъ еще болѣе увеличивали ея пространство. Но Рейнъ полагаетъ границы Германіи, а по ту сторону Камы все еще Россія — и Россія безпредѣльная.

Отъ Рыбной слободы ѣхалъ я по обширной равнинѣ, мѣстами пересѣкаемой долинами и пригорками, и держась всегда праваго берега Камы, которая то являлась во всемъ своемъ величіи, то мелькала въ отдаленіи, то опять изчезала, прибылъ въ селеніе Урахчу, состоящее изъ 700 душъ, принадлежащихъ почти двадцати помѣщикамъ. Такъ какъ было тогда Воскресенье, то

крестьяне, довольно не трезвые, принявъ на себя важный видъ, съ довольною дерзостію приступили ко мнѣ, и зная, что я прибылъ къ ней окольной дорогой, почли за подозрительнаго человѣка и требовали подорожной. Какъ ни забавно все это мнѣ показалось, однако я скоро умѣлъ заставить ихъ молчать. Впрочемъ во всей деревнѣ царствовала радость; въ особенности увеселяли меня пѣсни и хороводы многихъ молодыхъ дѣвушекъ, праздновавшихъ, вѣроятно, обрученіе одной изъ подругъ своихъ. Отсюда направивъ путь свой далѣе чрезъ лѣса и овраги, мы увидѣли въ лѣсу поташный заводъ, принадлежащій къ селенію Шумбуту, а на дорогѣ къ оному встрѣтили 4-хъ волковъ повидимому очень голодныхъ и готовыхъ напасть на насъ. Однакожъ мы счастливо избѣгнувъ ихъ, достигли Шумбута, который положеніемъ своимъ въ долинѣ и прекрасными зданіями, выстроенными на отлогости прилежащаго холма, доставляетъ весьма пріятное зрѣлище. Здѣсь находятся Подполковника Кандалинцова винокуренный и поташный заводы. Но какъ самъ онъ постоянно

живетъ въ С. Петербургѣ, то управленіе онымі довѣрено Г. Шербакову, весьма пріятному и образованному человѣку, что и доказалъ онъ мнѣ своимъ дружескимъ пріемомъ. Послѣ умѣреннаго ужина отвелъ онъ меня въ особенные покои, нарочно для пріѣзжающихъ назначенные. Не смотря на большую усталость, я не скоро еще легъ въ постелю: журчаніе источника, выходящаго изъ подошвы горы моей спальни и доставляющаго воду для обращенія колесъ на заводѣ, было для меня столь привлекательно, что я долго еще имъ наслаждался съ Сенекою въ рукѣ. По утру, обозрѣвая изъ окна моей спальни, окрестности, я замѣтилъ на дворѣ передъ воротами небольшую снаряженную пушку, направленную противъ входа въ заводъ; вправѣ маленькое озеро, образованное источникомъ, на коемъ плавали величественные лебеди; покатость горы усажена была кустарниками въ Англійскомъ вкусѣ; словомъ, я нашелъ все, что въ уединеніи могло бы расположить человѣка къ истинному душевному удовольствію.

28 Апрѣля отправился я отсюда чрезъ гус-

той дубовый и сосновый лѣсъ къ заводу 3 гильдіи купца Сухопарова, по имени *Абада*. При видѣ многихъ, до половины обрубленныхъ или обожженныхъ деревъ, я не могъ не замѣтить, что Русской изъ полнаго запаса черпаетъ безъ осторожности и большою мѣрою. Вмѣсто того Нѣмецъ съ неизъяснимымъ стараніемъ трудится вырыть весь дубъ, или по крайней мѣрѣ срубить его плотно у корня; Русской, плавая въ семъ отношеніи еще въ изобиліи, не заботится о малой выгодѣ, которую можетъ получить или потерять. Положеніе маетности Сухопарова въ срединѣ лѣса живописно. Рѣчка Абада, сообщившая мѣсту сему названіе, вьется близь красивыхъ строеній и образуетъ озеро съ островомъ, на которомъ стоитъ увеселительный домикъ; видъ домика дѣлается тѣмъ разительнѣе, что озеро окружено густымъ сосновымъ лѣсомъ. Г. Сухопаровъ оказалъ значительныя услуги просвѣщенію тѣмъ, что онъ, какъ здѣсь, такъ и въ городѣ Мамадышахъ, основалъ Училища и добровольно предложилъ на то капиталъ свой. Слѣдуя внушеніямъ гостепріимства, онъ

просилъ меня остановиться у него и провести ночь. Могу сказать, что онъ употребилъ все, что могло служить къ удовольствію гостей, коихъ, кромѣ меня, было нѣсколько человѣкъ.

29-го проѣхалъ я чрезъ бѣдную Татарскую деревню *Нижніе Сунны*, въ 20 верстахъ отсюда отстоящую, а потомъ пробираясь сквозь густой сосновый лѣсъ, прибылъ въ большое коронное селеніе *Кирмени*. Дорогой, среди дремучаго лѣса, размышлялъ я самъ съ собою, занимательнѣе ли въ лѣсу видѣть однѣ только деревья, небо и землю, или на морѣ носиться между небомъ и водою. Все преимущество сухаго пути заключается только въ томъ, что на землѣ мы стоимъ всегда твердою ногою, и что расположеніе деревъ можетъ возбудить въ насъ нѣкоторыя размышленія, совершенно неумѣстныя, при единообразномъ и прямомъ теченіи воды. Впрочемъ какъ здѣсь, такъ и тамъ жизнь наша подвержена всегда равной опасности. Вотъ почему выѣхавъ изъ лѣса на зеленый, цвѣтами усѣянный лугъ, и вскорѣ на

богатую пашню, я почувствовалъ неизъяснимое удовольствіе. Мнѣ казалось, что изъ необитаемой пустыни я перенесенъ былъ на прекраснѣйшую долину и благодарилъ небо, видя себя опять въ кругу людей. По причинѣ худой дороги и тощихъ лошадей мы съ трудомъ только могли добрашься до Кирмени, деревни, лежащей въ долинѣ. Здѣсь мнѣ тотчасъ дали другихъ лошадей, и я пустился къ городу Мамадышамъ, который пріятнымъ своимъ мѣстоположеніемъ на берегу Вятки, доставляетъ взорамъ превосходный видъ и заслуживаетъ отличное вниманіе по прямымъ, широкимъ улицамъ и по довольному количеству разсѣянныхъ въ оном каменныхъ зданій. Здѣсь удивило меня только одно то, что прекрасная природа такъ мало имѣла вліянія на здѣшнихъ жителей.

30-го числа по утру въ 8-мь часовъ я отправился впередъ моей повозки, которую везли Мамадышскія лошади, и пришелъ чрезъ четверть часа къ берегу Вятки, гдѣ уже ожидалъ меня перевощикъ, увѣдомленный городскимъ прави-

тельствомъ о моемъ прибытіи. На водѣ было довольно холодно, а мало помалу поднялся сильный вѣтеръ. Мы ѣхали вдоль праваго крутаго берега около четырехъ верстъ, чтобъ легче можно было переплыть рѣку, имѣющую три версты въ ширину и наконецъ счастливо пристали къ пологимъ берегамъ Вятской Губерніи, которую, кажется, сама природа отдѣлила отъ Казанской, положивъ между ними границею рѣку съ однимъ столь крутымъ берегомъ, а другимъ столь низкимъ и пологимъ. Отсюда отправился я чрезъ Кистенево къ Елабугѣ и весьма доволенъ былъ, нашедъ сверхъ ожиданія широкую и прекрасную столбовую дорогу. Съ высоты, по которой мы ѣхали, представилась главамъ нашимъ почти необозримая равнина, которая съ Востока въ большомъ отдаленіи оканчивалась сосновымъ лѣсомъ, составляющимъ опять, какъ я узналъ послѣ, Восточную границу Елабужскаго уѣзда. Достигнувъ самой высокой плоскости, на нашемъ холмѣ увидѣли мы не въ далекѣ лежащій въ долинѣ городъ Елабугу и вправѣ ошъ него развалины шакъ называемаго *Чер-*

това Городища. Я нашелъ здѣсь самый благосклонный и дружескій пріемъ у образованнаго, привѣтливаго и почтеннаго Протоіерея Юрьева. Съ его то помощію мнѣ на другой же день можно было осмотрѣть вблизи живописное положеніе *Чертова Городища.* Признаюсь, я не безъ сожалѣнія смотрѣлъ на бѣдные остатки сего древняго замка, который или всепожирающее время, или невѣжество черни обратили въ жалкія развалины. Но прежде нежели я приступлю къ продолженію моего путешествія, нужнымъ почитаю нѣсколько остановиться и изложить моимъ читателямъ все, что можетъ имъ дать справедливое понятіе о *Чертовомъ Городищѣ,* и естьли кто нибудь вздумаетъ упрекнуть меня, что занимаюсь сказками, то пусть припомнитъ себѣ, что и самый благоразумнѣйшій критикъ не пренебрегаетъ ими, слѣдуя всегда золотому изреченію: non est de nihilo, quod publica fama susurrat, et partem veri fabula semper habet.

На верху крутаго утеса, перпендикулярно

возвышающагося отъ подошвы на 24 сажени съ аршиномъ, находятся остатки древняго города. Съ южной стороны при скатѣ сей горы протекаетъ величественная Кама, а съ восточной Пойма, впадающая въ Каму, перебираясь подлѣ самой Елабуги, омываетъ подошву горы съ ея развалинами.

(Продолженіе впредь.)

II.

ЗАМѢЧАНІЯ ВО ВРЕМЯ ПУТЕШЕСТВІЯ ПО БЕРЕГАМЪ КАМЫ И ВЪ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(Продолженіе.)

„Хотя не видно шушъ, какъ описываетъ Чершово Городище Г. Рычковъ, „никакихъ другихъ зданій кромѣ стѣны, выстроенной изъ бѣлаго камня; но сіе самое шѣмъ не менѣе заслуживаетъ вниманія по своей правильности и столь рѣдкой швердости, что удивительное искусство прежнихъ обитателей сего мѣста до сихъ поръ еще прошивится сокрушительной силѣ вѣковъ. Она построена по шеченію Тоймы вдоль крутой и неприступной горы. Длина, еще до сихъ поръ довольно хорошо сохранившейся стѣны, простираешся на 13 саженъ, вышина ея болѣе

двухъ саж., и въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга стоятъ еще три крутыя, довольно пространныя башни, которыя выдались изъ стѣнъ на подобіе полукружія. Двѣ изъ нихъ вѣроятно пострадали отъ времени, ни чѣмъ не покрыты и сравнялись уже со стѣнами; а третья, лежащая къ Югу, гораздо выше ихъ и на подобіе обыкновенной башни, покрыта досками. Вокругъ нея видны 6-ть небольшихъ оконъ, а внутри находится комната во все пространство башни. Изъ всего онаго, кажется, можно заключить, что въ семъ мѣстѣ были городскія ворота, у которыхъ доселѣ еще видно отверзтіе довольной величины, хотя оно и заложено уже внутри сей стѣны.“ Вотъ въ какомъ состояніи Г. Рычковъ нашелъ сіи развалины. Но теперь отъ двухъ Сѣверо-Восточныхъ башенъ осталось только одно основаніе прочной каменной кладки, не много возвышающееся надъ землею. — На Южной башни также нѣтъ уже крыши, однакожъ съ Сѣверо-Западной стороны видны ворота, которыхъ верхъ поддерживается на подобіе полкруга высѣченнымъ камнемъ; а надъ

онымп окно, укрѣпленное вверху двумя дубовыми досками, сомкнутыми подъ тупымъ угломъ; прочія окна, особливо съ Западной стороны, уже разрушились, и потому болѣе походятъ на ворота, нежели на окна. Слѣдуя довольно вѣроятному предположенію, башня сія заключала въ себѣ два этажа, потому что и теперь еще во внутренности видно мѣсто, гдѣ изъ бревенъ сдѣланъ былъ накатъ. Она скрѣплена была вложенными внутри стѣнъ довольно толстыми дубовыми бревнами, которыя и по сіе время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще примѣтны. Стѣны впрочемъ въ толщину имѣютъ не много болѣе аршина, но весьма крѣпки. Онѣ стояли бы еще долгое время, естьлибъ не разбивали ихъ безпрестанно безъ нужды или изъ шалости; ибо известь, смѣшанная съ алебастромъ такъ затвердѣла, что превратилась въ камень. Башня сія въ поперечникѣ имѣетъ 2 сажени, въ окружности 7 саженъ и 2 арш.; а высота ея 3 саж. и 1 арш., комната же и ворота, о коихъ упоминаетъ Г. Рычковъ, не оставили уже по себѣ никакихъ слѣдовъ. —

По извѣстіямъ, которыя Г. Рычкову сообщилъ, въ селѣ Сераляхъ, въ 7 верстахъ отъ Елабуги, живущій заводчикъ Красильниковъ (коего заводъ впрочемъ нынѣ уже пришелъ въ упадокъ), на семъ мѣстѣ былъ нѣкогда храмъ древнихъ язычниковъ, обитавшихъ въ сей странѣ. Онъ славенъ былъ оракуломъ, который своими отвѣтами пріобрѣлъ такое уваженіе, что люди со всѣхъ сторонъ стекались для его вопрошенія. Повѣствуютъ еще, что внутри сего капища обиталъ ужасной величины змѣй, которому безчеловѣчные жрецы для умилостивленія приносили иноплеменныхъ людей на съѣденіе. Но не задолго до разрушенія Царства Болгарскаго сей чудотворный змѣй, неизвѣстно куда, скрылся. Напрасно Царь той страны умолялъ со слезами Бога сего храма спасти его отечество отъ нашествія Сѣвернаго народа, который называлъ онъ Татарами, и который, ворвавшись въ предѣлы его владѣній, опустошилъ уже нѣкоторыя земли: но не получивъ никакого отвѣта о судьбѣ своего народа, съ горестію возвратился въ свой городъ и со всѣми своими

подданными сдѣлался жертвою непріятелей. — Все сіе, еще и до сихъ поръ повторяемое старожилами Елабуги, Красильниковъ сообщилъ Г. Рычкову изъ преданій своихъ предковъ и изъ записокъ, собранныхъ покойнымъ его отцемъ, весьма любопытнымъ человѣкомъ. Записки однакожъ или сгорѣли въ пожарѣ, или утрачены по небреженію его домашнихъ. Впрочемъ стѣны сіи не только у здѣшнихъ жителей, но и у всѣхъ отдаленныхъ обитателей извѣстны подъ именемъ Чертова Городища. (*) Можно слѣдовательно положить, что прежде еще до сооруженія сей стѣны, находился здѣсь храмъ и жилъ жрецъ, служившій своему идолу и прорекавшій судьбу, къ нему приходившихъ; и что народъ и владѣтель сей страны, водимые особеннымъ почтеніемъ къ идолу, или прельщенные различными его отвѣтами, обнесли сіе капище высокими стѣнами. Камни же могли они получать въ изобиліи съ верху и съ низу Камы

(*) См. прилагаемые при сей книжкѣ видъ башни Чертова городища и планъ мѣста, гдѣ оное находилось.

въ недальнемъ разстояніи, и въ полую воду весьма удобно на судахъ приставать къ самой подошвѣ горы. Возможно и то, что въ сіе самое время, когда народъ занятъ былъ строеніемъ стѣнъ, Татары или другой народъ принудили жителей оставить работу и искать спасенія себѣ и имуществу отъ непріятелей. Наконецъ сіи пришельцы, поселившись здѣсь и не находя никакихъ жителей около стѣнъ, вѣроятно и судя по пустотѣ страны приписали сооруженіе сихъ стѣнъ не людямъ, но водянымъ духамъ.

Престарѣлый крестьянинъ, жившій въ деревнѣ Челнахъ въ 15 верстахъ отъ Елабуги, разсказывалъ Г. Рычкову, по преданію народному, что Аксакъ-Темиръ, опустошивъ за Камою многіе города, нашелъ и на этотъ городокъ, и полюбивъ его мѣстоположеніе, провелъ здѣсь нѣкоторое время среди веселія и покоя. Онъ прибавилъ еще, будто бы самъ Темиръ воздвигъ стѣны сіи, но что онъ, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, долженъ былъ оставить ихъ недокончанными и двинуться далѣе къ побѣдамъ.—

Однакожъ такое преданіе, почерпнутое изъ пустаго только мечтанія и изъ словъ черни, почитавшей Темиръ—Аксака болѣе чудовищемъ, нежели человѣкомъ, не заслуживаетъ никакого вѣроятія. Еслибъ онъ и дѣйствительно былъ на семъ мѣстѣ, чему молчаніе Исторіи не позволяетъ намъ вѣрить; то трудно было бы понять, за чѣмъ воздвигъ онъ стѣны сіи, и за чѣмъ вздумалось ему вдругъ остановиться на пути своихъ побѣдъ. Онъ даже чрезвычайно, какъ явствуетъ изъ Исторіи, ненавидѣлъ обитателей сей страны и безъ пощады разорялъ великолѣпные города ихъ. Еслибъ онъ гдѣ нибудь захотѣлъ остановиться и основать новую столицу своихъ владѣній; то бы конечно предпочелъ Болгары, которые положеніемъ при устьѣ Камы во многомъ превосходятъ Чершово Городище. Укрѣпленіе сего города и пышныя зданія сберегли бы ему труды, употребленные на строеніе новаго жилища.

Въ позднѣйшія времена внутри стѣнъ Городища сооруженъ былъ деревянный мужескій монастырь, который однакожъ послѣ извѣстна-

го узаконенія о монастырскихъ обителяхъ со многими другими упраздненъ. Въ семъ монастырѣ были двѣ деревянныя церкви, одна во имя Живоначальныя Троицы, а другая Успенія Богоматери; по уничтоженіи монастыря въ 1764 году первая была перенесена на Елабужское кладьбище, и въ 1824 году по ветхости сломана. О монастырѣ разсказываютъ, что онъ былъ основанъ Іоанномъ Васильевичемъ, по взятіи Ташарскаго города Казани. Намѣреваясь по Камѣ доплыть до гор. Соликамска, онъ сдѣлался дорогою боленъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Елабуга, и былъ принужденъ остановить свое путешествіе. Такъ по крайней мѣрѣ повѣствуютъ о семъ здѣшніе жители и къ тому же времени относятъ начало пригородка (называвшагося прежде Тресвятскимъ селомъ), гдѣ, во время пребыванія Царя, заложена и освящена церковь во имя Покрова Божіей Матери (*). Нѣтъ

(*) Въ этой церкви два придѣла: одинъ во имя Пророка Иліи, а другой Трехъ Святителей, коихъ икона, весьма древняя, прислана самимъ Іоанномъ IV и сохранилась еще до сихъ поръ. Въ 1809 году церковь выстроена каменная.

сомнѣнія, что столь красивое положеніе городка должно было ему понравиться, и что онъ, находя начатки укрѣпленія, видя изобиліе въ лѣсѣ, водѣ и рыбѣ, рѣшился избрать оное обителію для монаховъ, и тѣмъ воздвигнуть первый (какъ говорятъ) памятникъ благодарности своей къ Богу за столько одержанныхъ имъ въ сей странѣ побѣдъ. Вѣроятно поселившіеся тутъ монахи, которые не могли безъ отвращенія взирать на остатки идолопоклонническаго капища, начали мало по малу разрушать оные. Впрочемъ, кромѣ каменной стѣны съ Юговосточной стороны, Городище было обведено еще довольно глубокимъ рвомъ и укрѣплено значительными валами, которые, обгибаясь вокругъ монастыря, оканчивались у весьма крутой горы, изъ коей выходили прежде два источника чистой и свѣжей воды, разливавшіеся по мелкому песку. Здѣсь не нужно было дѣлать укрѣпленій руками человѣческими: сама природа, оградивъ мѣсто сіе, сберегла тѣмъ шруды жителей. Не малую красоту наконецъ придавала сему Городищу пріятная березовая роща, кото-

рая прежде съ Южной стороны до самой ограды обведена была валомъ. Можетъ быть язычники, слѣдуя древнему обыкновенію, сохранившемуся еще доселѣ между Черемисами, Чувашами и другими народами, закоснѣлыми въ невѣжествѣ и невѣріи, поклонялись въ сей рощѣ нѣкоему божеству, избравшему когда нибудь сіе мѣсто по его красотѣ и пріятности.

Но прежде, нежели кончу повѣствованіе о Чертовомъ Городищѣ, почитаю нужнымъ привесть здѣсь мѣсто изъ Казанской Исторіи (гл. 34), гдѣ говорится почти слѣдующими словами. „Въ нѣкоторомъ Улусѣ на высокомъ берегу Камы стоялъ небольшой каменной городокъ, осташокъ древнихъ Болгаровъ. Въ немъ обиталъ нѣкогда бѣсъ, который, творя разныя чудеса, привлекалъ со всѣхъ сторонъ Черемисъ и Татаръ, принималъ жертвы, и на подобіе оракуловъ древнихъ язычниковъ прорекалъ судьбу ихъ. Сей прорицатель изцѣлялъ также многихъ отъ тяжкихъ болѣзней; но какъ скоро плывущіе по рѣкѣ, не исключая и самыхъ Христіанъ, ни-

чего не хотѣли принести ему въ даръ; то онъ тотчасъ умерщвлялъ ихъ, топилъ суда, наносилъ различный вредъ и до того простиралъ свое мщеніе, что уже никто не смѣлъ приблизиться къ городку, не заплативъ надлежащей дани. Вопрошающимъ онъ отвѣчалъ невидимо чрезъ жрецовъ своихъ: однимъ предсказывалъ долгую жизнь и здравіе, другимъ болѣзни, бѣдствія, погибель и покореніе ихъ земель. Готовившіеся на войну вопрошали его, возвратятся ли они съ добычею или нѣтъ, и не будутъ ли разбиты? Бѣсъ всегда открывалъ имъ судьбу ихъ. Пока наконецъ Казанская Царица, по имени Сумбека или Сюхнибека (*) такимъ же образомъ послала къ нему своего знаменитѣйшаго вождя, спросить, побѣдитъ ли онъ Мос-

(*) Сюда же относятся, вѣроятно, приведенныя Рычковымъ (въ его Опытѣ Исторіи Казани древнихъ и среднихъ вѣковъ. Рига. 1772 стр. 94 Прим. 1) изъ Лѣтописи Ломоносова 26 главы слова. „Толпы Татаръ“ говоритъ онъ „напали на города: Галичь, Вологду, Чухлому, Кострому и Балахну, пролили повсюду много крови и возвратились съ боль-

ковскаго Князя. Вождь, прибывши сюда палъ на землю и молился съ бѣсовскими служителями въ продолженіи девяти дней, но все было напрасно; въ десятый день услышали они голосъ Сатаны въ капищѣ, который возвѣщалъ имъ, что они тщетно тревожатъ его, и что имъ нѣтъ надежды, что онъ самъ удаляется, изгоняемъ будучи силою Христовою, и что вскорѣ воцарится тутъ вѣра Христіанская. Голосъ умолкъ, и огнепный змій въ черномъ густомъ дымѣ поднялся изъ внутренности капища и, въ виду всѣхъ

шою добычею. Царь Сафгирей, весьма тѣмъ обрадованный, разсказалъ своей больной женѣ (Сумбекѣ), какую знаменитую побѣду одержали и сколько похитили богатства у непріятелей. Царица, помолчавъ не много, отвѣчала: скоро эта радость превратится въ слезы и крайнюю печаль; скоро религія наша будетъ искоренена въ Казани, и Царь Русскій, завладѣвъ городомъ, введетъ въ него вѣру Христіанскую.“ Если приведенное выше, впрочемъ весьма баснословное, справедливо; то слова Сумбеки должны быть слѣдствіемъ сего оракула.

присутствующихъ, устремивъ полетъ свой на Западъ, скрылся. Вотъ почему и названо было послѣ мѣсто сіе Чертовымъ Городищемъ. — Очевидно, что разбитіе судовъ должно приписать не волшебству прорицателя, но вѣроятно подводному камню, который находился не далеко отъ городка, и теперь еще извѣстенъ подъ именемъ *Быка*. Вода стремится къ нему съ противоположнаго берега съ ужасною силою, и суда даже нынѣ со всевозможнымъ стараніемъ должны издали держаться другаго берега, дабы по неосторожности своей не сдѣлаться жертвою волнъ. Изъ сего догадываться можно, что жрецы, получивъ подарки отъ плывущихъ по рѣкѣ Камѣ, отводили суда ихъ и избавляли отъ погибели. По симъ обстоятельствамъ Чертово Городище и до сихъ поръ остается весьма замѣчательнымъ мѣстомъ для бурлаковъ.—

Если я собраніемъ всѣхъ столь несообразныхъ извѣстій о примѣчательномъ Чертовомъ Городищѣ извлекъ, можетъ быть, иронническую улыбку или насмѣшку отъ читателей; но, не смотря однакожъ на чрезвычайную нем-

ному и неизвѣстность произшествій, не дозволяющую сдѣлать рѣшительнаго заключенія, не могу не объявить моего мнѣнія, что Чертово Городище дѣйствительно было въ древности капищемъ какого нибудь языческаго божества (*); ибо, сравнивъ различныя о семъ преданія, мы находимъ, что большая часть оныхъ согласны съ симъ заключеніемъ. Сіе, кажется, доказывается еще и тѣмъ, что въ то время, когда Боже-

(*) Съ симъ, кажется, согласно думаетъ Г-нъ Ходаковскій, о которомъ въ Библіографическихъ листахъ, 1825 года N. 38. подъ статьею: З. Я. Ходаковскій, стр. 563, говорится: особенное вниманіе онъ всегда обращалъ на такъ называемыя Городища, окопы, кои находилъ по всему пространству, нѣкогда обитаемому Словенами. Главная цѣль Г. Ходаковскаго состояла въ томъ, чтобы узнать, вездѣ ли и во всѣхъ ли отношеніяхъ, Словенскій народъ былъ сходенъ. Городища (по Нѣм. Garten, по Мордовски: Керемети), говоритъ онъ, простирались отъ рѣки Камы на Западъ до Лабы (Эльбы), отъ Сѣв. Двины до горъ Балканскихъ и Адріатическаго моря, и можно сказать, что почти на каждой квадрат-

ственная истина благотворнаго ученія Христова водворилась въ сихъ странахъ, сооруженъ былъ среди сихъ стѣнъ монастырь Христіанскій для скорѣйшаго истребленія всѣхъ слѣдовъ ненавистнаго язычества. Далѣе мѣсто сіе, гдѣ

ной мили, населенной Словенами, оныя находятся. По его замѣчаніямъ вездѣ, гдѣ только онѣ уцѣлѣли, сходствуютъ между собою, имѣя небольшіе кругловатые валы, то есть, состоя изъ окоповъ, исключительно насыпанныхъ изъ черной земли, имѣютъ входъ отъ Востока, и находятся обыкновенно на прекраснѣйшихъ мѣстахъ; по серединѣ оныхъ не рѣдко примѣтны углубленія (котлища). Изъ пѣсней, собранныхъ между Днѣпромъ и Сапомъ (въ Галиціи), Г. Х. надѣялся доказать, что сіи Городища были священными оградами или приходскими мѣстами, гдѣ совершались свадьбы и другіе языческіе обряды. — Неоднократно бесѣдуя съ нимъ, мы между прочимъ замѣтили, что, по его наблюденіямъ, таковыя Городища имѣли по большой части выходъ къ Востоку, — что оныя одно отъ другаго не рѣдко находились въ опредѣленномъ разстояніи (которое однако же въ разныхъ странахъ различно), — что

стоитъ Чертово Городище, слишкомъ мало, чтобъ вмѣстить городъ; принимая же оное за крѣпостцу какого нибудь независимаго маленькаго владѣтеля, или за оборону, основанную на границахъ земли какимъ либо сильнымъ Ханомъ, котораго столица далеко находилась, опять непонятно намъ будетъ, какъ первый въ состояніи былъ ограничить себя въ столь маломъ пространствѣ, или какимъ образомъ послѣдній могъ удовольствоваться одною только крѣпостцою, столь слабою для защиты всѣхъ его границъ, и не основалъ еще многихъ другихъ въ недальномъ отъ сей разстояніи? Если же мы допустимъ первое мнѣніе; то всѣ полученныя о семъ свѣдѣнія будутъ находиться въ гармонической связи съ тѣмъ правдоподобнымъ слѣдствіемъ, которое, не смотря на то, что искажено различны-

---

около таковыхъ Городищъ урочища весьма часто и почти постоянно имѣли однѣ и тѣже названія, наконецъ и самыя Городища, которыя, можетъ быть, нѣкогда служили подолоповлонническими капищами, имѣли свои особыя названія.“ —

ми мечтами юнаго воображенія обитателей сихъ странъ, всегда очевидно мелькаетъ въ преданіяхъ народныхъ. . . Впрочемъ для изслѣдователей историческихъ произшествій всегда обширное открыто поле, всегда богатая пища останется для стихотворца, любящаго чудесное и необыкновенное.

Воспоминая о Елабугѣ, я долженъ, какъ очевидецъ, отдать совершенную справедливость ревности и заслугамъ Господина Шляпникова, бывшаго Штатнаго Смотрителя тамошняго Уѣзднаго Училища. Внутреннее и наружное устройство сего, почти имъ основаннаго заведенія, могутъ показать, сколь много въ короткое время готовность и усердіе ко благу и просвѣщенію своихъ согражданъ могутъ произвести изъ ничего. Признаюсь, рѣдко удавалось мнѣ видѣть Училище въ такомъ хорошемъ состояніи.

Между деревнею Шпильнабасъ и Останковскимъ помѣстіемъ, селомъ Новоспасскимъ, примѣтилъ я въ лѣсу остатки полосы, состоящей

изъ вала, вышиною въ 1 сажень, и рва, служившихъ нѣкогда защитою противъ набѣговъ Татаръ. Валъ или окопъ сей простирается отъ Бѣлгорода въ Малороссіи чрезъ Тамбовъ, Симбирскъ и по лѣвому берегу Волги до самаго Мензелинска. Ѣздивши долго проселочными и окольными дорогами, я вступилъ наконецъ 2-го Маія на прекрасную столбовую дорогу, похожую на шоссе, проѣхалъ мимо Никольскаго, селенія, коего расположеніе и учрежденіе показываютъ Нѣмецкое хозяйство, и прибылъ черезъ Козино къ рѣкѣ Икъ. Наступившій дождь, безпрерывно почти продолжавшійся и сопровождаемый бурею, много затруднялъ мое пушешествіе, и, казалось, отнималъ у меня всякую надежду на дальнѣйшія разысканія. Переправившись 3-го Маія черезъ рѣчку Сунъ, поспѣшилъ я со всевозможною скоростію къ селу Ямскому на берегу Черемшана. Въ семъ грязномъ и отвратительномъ мѣстечкѣ я, противъ желанія, принужденъ былъ провести ночь, потому что при непрестававшей бурѣ никто не отважился переправиться чрезъ Черемшанъ. Съ большою однакожъ опасностію,

которая по неосторожности перевощиковъ едва не стоила мнѣ жизни, присталъ я 4-го Маія къ другому берегу, и послѣ медленной и скучной ѣзды по болотамъ и лѣсамъ, и многотруднаго, съ новыми препятствіями сопряженнаго, перевоза чрезъ рѣчки Керакъ и Кармезанъ, достигъ Татарской деревни Шеримпы. Отсюда пустился я къ деревнѣ Калмашъ въ 40 верстахъ, населенной Тептярями и Мещеряками. На дорогѣ къ деревнѣ Тирмѣ, обитаемой Мещеряками и лежащей недалеко отъ Калмаши на лѣвомъ берегу рѣки Опакъ, въ 15-ти верстахъ отсюда впадающей въ Тему, увидѣлъ я довольно хорошо сохранившуюся мечеть, построенную изъ дикаго песчанаго камня на довольно высокомъ холмѣ. Въ ней два посредственной величины окна безъ оконницъ; одна деревянная дверь, сдѣланная безъ всякаго желѣзнаго прибора и пола. Въ окнахъ положены три камня съ Арабскими письменами, и взяты, по словамъ тамошнихъ жителей, съ сосѣдственнаго кладьбища. Первый камень, имѣющій въ длину 7-мь вершковъ, въ ширину 5, и въ толщину $2\frac{1}{2}$ верш. содержитъ слова: *Нѣтъ*

Бога, (подразумѣвается: *кромѣ Бога единаго*); *Мухаммедъ* (подр. *посланникъ Божій*). Второй камень въ аршинъ длины, 5 вершковъ ширины и 4 вершка толщины; на немъ видно:

Огли
Узбекъ.
Во имя Бога,
Мухаммедъ по-
сланникъ Божій.

Третій камень длиною 11 верш. шириною 7, толщиною 3 верш. заключаетъ:

Нѣтъ Бога, кромѣ Бога.
Мухаммедъ посланникъ Божій.

Въ разстояніи около 200 саж. отсюда, находится еще довольно большой и хорошо сохранившійся надгробный камень съ слѣдующею Арабско-Куфическою надписью:

Познатель всѣхъ законовъ и справедливый
судія умеръ.
Тебя, единаго Бога, просимъ мы,
Умилосердиться надъ нимъ и отпустить ему
грѣхи!

Онъ умеръ въ 824 (т. е. 1421 по Р. Х.) году. мѣсяца Дзулкаде,

Мустафа Гаіацеддинъ, сынъ Огли Тимуръ Бека.

Его людскіе замыслы и предпріятія уничтожила смерть.

Никто изъ насъ не живетъ здѣсь вѣчно, и по тому пусть всякій помнитъ послѣдній часъ свой!

Вблизи отсюда нашелъ я другую подобную, на возвышеніи стоящую, мечеть, но построенную изъ кирпичей и почти уже совсѣмъ развалившуюся. Во внутренности опой лежитъ камень, имѣющій на себѣ слѣдующую, уже вывѣтрѣвшуюся, надпись:

Сей надгробный камень ..... въ году .. 12.
Каждый человѣкъ смертенъ, Богъ единъ безсмертенъ.

По изреченію Пророка тотъ только, кто почитаетъ Бога и живетъ безгрѣшно,
Есть ближайшій родственникъ Мухаммеда.

Вокругъ онаго стоятъ еще нѣсколько обыкновенныхъ и маловажныхъ надгробныхъ камней.

Изъ всего явствуетъ, что надписи написаны ни на Коптскомъ нарѣчіи, какъ полагаетъ Палласъ (**), ни на Башкирскомъ, какъ думаетъ Крафтъ (***); и что первое описанное мною зданіе, какъ сіе доказываютъ надписи и расположеніе мѣста, было, не смотря на то, что оно отъ окружныхъ жителей называется судилищемъ, ни что иное, какъ надгробная часовня какого нибудь знатнаго и сильнаго Татарскаго Хана, сохраненная въ такомъ видѣ его преемниками, и, по упадкѣ Татарскаго Царства, почитавшаяся за святилище, куда и до сихъ поръ еще стека-

(**) Путешествіе Палласа для розысканія въ трехъ Царствахъ природы. Т. II. стр. 10.

(***) Я обязанъ Г. покойному Дѣйствительному Статскому Совѣтнику, Академику и Кавалеру Николаю Ивановичу Фуссу нижеслѣдующею копіею описанія здѣсь находящихся древностей, сдѣланнаго Г-мъ Адъюнктомъ Крафтомъ: „In der hiesigen Provinz befinden sich zwei Metschetten nahe bei Termen, einem.

ются Татары какъ изъ ближнихъ, такъ и отдаленныхъ странъ на поклоненіе. Дѣйствительно въ послѣднемъ темномъ періодѣ Исторіи Хановъ Золотой Орды упоминается имя Хана Мустафы Гаіацеддина, сына Тимуръ-Бека или Ти-

---

von Meschtcheräken Dorfe, am Fluss Ak, 50 Werste von Ufa. Hier ist die Zeichnung von einer; denn die zweite ist ihr vollkommen gleich, nur mehr zerfallen. Sie sind beide von derjenigen, welche ich in der Kirgisischen Steppe gesehen habe, nur darin unterschieden, dass sie von Feldsteinen, jene aber von Ziegeln gebaut sind. Rund herum sind viele Grabsteine mit Baschkirischen Inscriptionen. An eben diesem Orte trifft man zwei sehr alte Monumente mit arabisches Schrifft an; das eine etliche Schritte von der hier vorgestellten Metschette, das zweite aber mitten in der andern Metschette, wo er neben einem Grabe steht. Hier sind die Copien der Arabischen Schrifften. Ein Priester aus Calmasch, einem nicht weit davon entlegenem Dorfe, welcher Arabisch lesen kann, hat mich versichert, dass der zweite Stein gar ungemein alt ist; man konnte auch die drey obersten Zeilen, welche in der zweiten Figur weggelassen sind, gar nicht mehr deutlich distinguiren."

муршташа, котораго Г. Рычковъ (*) называетъ предпослѣднимъ изъ правителей. И очень вѣролятно, что здѣсь находится гробница сего Хана; и что Татары столь дорого цѣнятъ святость оной, зная, что она заключаетъ остатокъ послѣднихъ временъ нѣкогда столь страшнаго и могущественнаго Царства.

(Окончаніе впредь).

(*) Versuch einer Historie v. Casan alter u. mittler Zeiten verfasst v. Rytschkow, a. d. Russ. übers. v. I. Rodde. Riga. 1779 стр. Снеси еще: Das Muham. Münzkabinet d. Asiat. Museums. d. Kaiserlichen Akademie d. Wissenschaften in S. Petersburg. v. C. M. Fraehn, Petersburg. 1821pag. 61.—

II.

ЗАМѢЧАНІЯ НА ПУТИ ВЪ ОРЕНБУРГСКУЮ ГУБЕРНІЮ.

(Окончаніе.)

Потомъ пустились мы далѣе, и тотчасъ, послѣ переправы чрезъ рѣчку Чиравію, выѣхали на большую дорогу и прибыли въ Подымалово, небольшое помѣстье Г. Веригина, лежащее въ 20-ти верстахъ отъ Уфы. Я нашелъ и здѣсь также ровное мѣстоположеніе, большею частію занятое пастбищами и лѣсомъ. Татара, преимущественно живущіе въ Уфимскомъ уѣздѣ, кажется, нарочно избрали для жилья эту долину по причинѣ пастбищъ и лѣса, необходимыхъ для ихъ улусовъ. Большая мощеная дорога, которую мы опять встрѣтили, отъѣхавъ восемь

верстъ отъ Подымалова, дѣйствительно заслуживаетъ одобреніе. Но крестьяне, черезъ деревни коихъ лежала старая дурная дорога, недовольны новою, потому, что лишились прогонныхъ денегъ — и почти всегда твердятъ: пусть бы осталась для Государя эта новая дорога.

Около 7-ми часовъ вечера прибылъ я на берега величественной рѣки Бѣлой. Переправа чрезъ нее соединена съ немалыми трудностями; ибо берега весьма круты и до сихъ поръ никто еще не позаботился о срытіи оныхъ на съѣздахъ. За Бѣлой, кротко протекающей въ берегахъ своихъ, возвышается большая, покрытая лѣсомъ гора, на коей частію стоитъ и самая Уфа. Здѣсь я принужденъ былъ дожидаться свѣжихъ лошадей, чтобы взобраться на эту высокую гору, и уже вечеромъ около 9-ти часовъ прибылъ въ Уфу; послѣ долговременныхъ, но тщетныхъ поисковъ свободной квартиры, долженъ былъ остановиться въ Уѣздномъ Училищѣ.

На другое утро поѣхалъ я съ Учителемъ

Математики Г-мъ Пикторовымъ на лежащее въ 3½ верстахъ къ Сѣверо-Востоку отъ Уфы мѣсто, также названное *Чертовымъ городищемъ*. Сіе послѣднее, можетъ быть, болѣе имѣетъ права на это названіе, нежели находящееся въ Елабугѣ; ибо, занимая окопечную возвышенность, оно лучше укрѣплено и самою природою. Выѣзжая изъ Уфы, спачала достигаешь рощи, примыкающей къ оной съ трехъ сторонъ, а съ другихъ двухъ, противоположныхъ Уфѣ, идетъ лѣсъ, теряющійся въ безконечности. Самое мѣсто, на которомъ находятся еще нѣкоторыя возвышенности, похожія на стѣны и служившія, можетъ быть, подобно Елабужскимъ, основаніемъ башенъ, имѣетъ въ длину около 150 саженъ, а въ ширину около 50. Съ Сѣверной отлогости видишь глубоко подъ собою Бѣлую, которая въ покойномъ теченіи и различныхъ извилинахъ пробивается сквозь обширный лѣсъ. Съ самой высоты наслаждаешься необъятнымъ видомъ на равнину, заросшую лѣсомъ, тогда какъ на Западной открывается прелестный видъ на Уфу, расположенную на скатѣ горы. На Сѣверной и

Южной сторонахъ глубокіе крутые овраги образуютъ собою рвы, пскопанные самою природою, а съ Западной искуственный ровъ, сдѣланный, кажется, для соединенія обѣихъ спхъ пропастей. Смотря на эту неизмѣримую равнину и сіе ужасное жилище, принадлежавшее нѣкогда могущественнымъ Ханамъ Татарскимъ, я мысленно переносился на вершину Брокена. „Ахъ! еслибъ могъ," мечталъ я, „этотъ распростертый передо мною лѣсъ, прорѣзываемый Бѣлою, преобразиться въ шумящія волны Балтійскаго моря: вѣрно опять ожили бы въ душѣ моей тѣ высокія чувствованія о Богѣ и его несравненномъ твореніи, которыя я нѣкогда, въ своей юности, такъ жадно впивалъ на Кенигсштулѣ (Царскомъ сѣдалищѣ) Острова Рюгена.

Къ сожалѣнію, никто не могъ сообщить мнѣ нужныхъ свѣдѣній о большей части упоминаемыхъ разными писателями памятниковъ древности, и я почти съ такими же о нихъ свѣдѣніями, съ какими и поѣхалъ, возвратился въ Уфу, осмотрѣлъ опую — и въ особенности вновь вы-

строенную Гимназію, которая снаружи похожа на дворецъ, но внутреннее оной расположеніе не отвѣчаетъ внѣшности. Сколь ни маловажна Уфа, какъ Губернскій городъ, при всемъ томъ она превзошла мое представленіе, какое имѣлъ я о ней по описанію Палласа и другихъ; ибо, въ особенности новая часть оной, имѣетъ очень порядочныя строенія; старая же, въ которой я жилъ, превосходитъ своею бѣдностію и описаніе самаго Палласа. Къ удивленію моему, я не нашелъ здѣсь, въ мѣстопребываніи Муфтія, главной мечети; однако мое удивленіе миновалось, когда сообщили мнѣ, что здѣсь всѣ вообще также мало заботятся о протекшемъ, какъ о будущемъ. Отдохнувъ послѣ претерпѣнныхъ мною непріятностей, и осмотрѣвъ окрестности, я располагался было продолжать мое путешествіе въ Оренбургъ; но принужденъ былъ оставить оное. Немаловажное разстройство здоровья и печальная увѣренность въ ожидающихъ меня новыхъ непріятностяхъ, заставили, окончивъ розысканіе, поспѣшить въ Казань къ своимъ ученымъ занятіямъ. Впрочемъ я не могу о-

ставишь безъ замѣчанія, что близь города Уфы находится много значительныхъ Кургановъ, которые бы стоило раскопать и ближе изслѣдовать.

Такимъ образомъ, 6-го Мая около 9-ти часовъ, я въ другой разъ переправился чрезъ Бѣлую, и думая, что большая дорога чрезъ Бирскъ лучше прежней, отправился по оной. Но на второй же станціи узналъ свою ошибку: ибо не смотря на то, что новая дорога проложена только въ прошломъ году, она теперь же сдѣлалась совершенно неудобною для проѣзда по причинѣ всюду разрушенныхъ мостовъ. Наконецъ вечеромъ около 4-хъ часовъ пріѣхалъ я въ деревню Савистину, лежащую въ 2-хъ верстахъ отъ Бѣлой, гдѣ вновь дурная погода и буря воспрепятствовали моей переправѣ чрезъ Бѣлую и принудили переночевать. Надежда, что путешествіе мое на другой день будетъ скорѣе и удачнѣе, также не исполнилась. Судьба опредѣлила иначе. По утру въ 4-ре часа находился я уже на берегу Бѣлой и нашелъ тамъ одного Русскаго дворянина, ожидавшаго почти цѣлую ночь пере-

правы. Такъ какъ поромъ находился на другой сторонѣ, я тотчасъ послалъ солдата съ требованіемъ причалить оный; но и это, безъ сомнѣнія, было бы безполезно, еслибы дворянинъ, котораго экипажъ стоялъ съ моимъ на одной сторонѣ, пробудясь отъ шума, не заставилъ перевощика употребить всевозможную поспѣшность къ переправѣ онаго. До 9-ти часовъ сидѣли мы на берегу. Наконецъ прибыло ожидаемое судно и надежда было блеснула во мнѣ, какъ вдругъ новое несчастіе насъ встрѣтило. Вѣтеръ дулъ самый противный, такъ, что мы на проѣздъ чрезъ Бѣлую и озеро Старицаспо, имѣющее въ длину почти 12-ть верстъ, (къ достиженію коего насъ долго задерживали худо пробитая чрезъ лѣсъ дорога и развалившіеся мосты); употребили 12-ть часовъ, и уже вечеромъ около 9-ти часовъ съ великимъ трудомъ прибыли на противолежащій берегъ озера. Я тотчасъ почью отправился въ Бирскъ. — Въ 40-ка верстахъ отъ сего города, по показанію Георги, должны находиться развалины, названныя Акташъ (اق تاش) *Бѣлый камень*, а не Ардашъ—

бѣлая голова, какъ пишетъ Георги. Къ наименованію ихъ, можетъ быть, послужило тоже самое обстоятельство, которое было при названіи Саркелъ, или Бѣлая вѣжа, нынѣ Бѣлгородъ— укрѣпленія, заложеннаго Козарами отъ набѣговъ Русскихъ и разрушеннаго въ правленіе Ольги. Какъ бы то ни было, но теперь не видно ни какихъ слѣдовъ сихъ развалинъ, пѣтъ и Сокольихъ стѣнъ, нѣкогда въ 30 верстахъ оттуда лежавшихъ. Такъ жестоко рука времени истребила остатки древности, что, спустя 50 лѣтъ, путешественникъ уже не находитъ оныхъ. Впрочемъ не мудрено, что Георги и Рычковъ, говоря о лежащемъ возлѣ Уфы Чертовомъ городищѣ, ошибочно положили разстояніе онаго въ двухъ верстахъ отъ Бирска, потому, что тамошніе жители, у коихъ я о томъ разспрашивалъ, ничего не знаютъ о подобныхъ развалинахъ въ своихъ окрестностяхъ.

Я не хочу упоминать о непріятностяхъ и несчастіяхъ, постигшихъ меня на дальнѣйшемъ пути. Чѣмъ болѣе Оренбургская Губернія за-

граждала мнѣ дорогу, подобно зловѣщему духу, пробужденному отъ своего усыпленія и преслѣдующему меня изъ своихъ Чертовыхъ городищъ, тѣмъ привѣтливѣе улыбалась мнѣ Казанская Губернія, коей тѣнистыя рощи, цвѣтущіе холмы, зеркальныя воды, устройство, духъ промышленности и лучшее образованіе призывали меня въ свои объятія. Послѣ претерпѣнныхъ мною всѣхъ возможныхъ непріятностей, казалось, все оживляющее, укрѣпляющее солнце снова взошло для меня. День дарилъ меня ясною радостію, ночь покоемъ, самое путешествіе наслажденіемъ. Слишкомъ рано оставивъ за собою прекрасно расположенный Чистополь, я съ быстротою орла спѣшилъ къ Казанскимъ Ларамъ, которыхъ при всемъ томъ, казалось, я привѣтствовалъ слишкомъ поздно — и 10 Мая наконецъ окончилъ на сей разъ то, что однакожъ для тебя, благосклонный читатель, никакъ не должно почитаться оконченнымъ.

Пр. Эрдманъ.